

Забываемая правда о начале войны

Социолог Борис Дубин еще в 2004 году обратил внимание на особенность российской социальной памяти о Великой отечественной войне, которая «из плана реальных ориентиров, стимулов поведения участников войны и их непосредственных партнеров по взаимодействию» оказалась «перенесена в план воображаемой коллективной идентификации».

«Героизация войны, монументализация ее коллективного образа — вовсе не свидетельство памяти, а указание на место забвения, амнезический след или «шрам». «Перед нами, — заключает Дубин, — своего рода кенотаф, надгробье над отсутствующим в этом «месте» сознанием — над несостоявшимся фактом осмысления: памятник, но не память».

Социологу достаточно констатировать травматическое состояние социальной памяти. Обязанность историка — напомнить, что собственно должно бы помещаться в этом кенотафе под надписью «победа советского народа в Великой отечественной войне».

Очевидно, что настойчивое стремление отделить отечественную войну от мировой имеет целью закамуфлировать то травматическое для советского исторического сознания обстоятельство, что во Вторую мировую войну СССР фактически вступил 17 сентября 1939 года в качестве союзника гитлеровской Германии, с которой разделил восточную Европу в полном соответствии с секретным протоколом к Договору о ненападении, заключенному 23 августа 1939 года.

В историю этот договор вошел под названием Пакта Молотова-Риббентропа.

Но гораздо более существенно другое. Понятие «отечественной войны» предполагает полное всенародное единодушие в противостоянии врагу и высокий боевой дух войска, бьющегося за правое дело. Советской идеологией подразумевалось, что в этом смысле война стала отечественной непосредственно 22 июня 1941 года, когда войска Вермахта пересекли советскую границу. Между тем обстоятельства катастрофического отступления Красной армии лета-осени 1941 года позволяют утверждать, что и с народным единством, и с духом войска поначалу не все обстояло благополучно. А подлинно отечественной война стала существенно позже, при изменившемся составе «советского народа».

Советская историография в объяснении причин «временных неудач» Красной Армии в начальный период войны твердо держалась на позициях, которые были обозначены Сталиным сначала в радиообращении 3 июля, а затем, 6 ноября 1941 года, в докладе на торжественном заседании Моссовета по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции. Успехи Вермахта объяснялись: 1) внезапностью вероломного нападения и 2) неравенством технического оснащения.

Эти объяснения не выдерживают критики и рассыпаются при минимальном сопоставлении с источниками.

Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки Вермахта у западных границ СССР не было тайной для советской разведки. Скрытая мобилизация и стратегическое развертывание РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) начались в апреле-мае 1941 года, задолго до немецкого вторжения. Штабы трех фронтов (в мирное время числившихся округами) — Северо-Западного, Западного и Юго-Западного, — уже 19 июня 1941 года получили приказ наркома обороны о выходе на полевые командные пункты, устроенные по приказу

наркомата от 27 мая 1941 года.

Числом и качеством военной техники Красная армия нисколько не уступала Вермахту. На 22 июня, по данным Михаила Мельтюхова, которые считаются наиболее достоверными, на советско-германской границе у Германии было сосредоточено 4364 танков, 42 601 полевых орудий и минометов, 4795 самолетов; у СССР – 15 687 танков, 59 787 орудий и минометов, 10 743 самолета. Причем доля техники новейших образцов в Красной армии была нисколько не ниже, чем в Вермахте и Люфтваффе, и эта современная техника зачастую была гораздо совершеннее немецкой.

Приходится заключить, что разгром Красной армии летом-осенью 1941 года имел не военно-стратегические или технологические, а «организационно-психологические» причины и объясняется неготовностью к войне Красной армии и советского общества. Репрессии командного состава РККА, достигшие пика в 1938-1940 годах, были завершающей фазой создания армии, беспрекословно подчиненной политическому руководству; армии, построенной по образу казармы, на принципе нерассуждающего повиновения приказам вышестоящего начальства и хамского помыкания нижестоящими.

Неудивительно, что армия казарменного типа не выдержала столкновения с противником в высокоманевренной войне, требующей сознательности, ответственности и инициативы каждого.

Собственно говоря, эта армия потерпела сокрушительное поражение и была уничтожена к концу 1941 года. Создание армии, способной вести и в конце концов выиграть в этой войне, потребовало значительной трансформации человеческих отношений в войсках и решительной перемены в устройстве карьерных «лифтов».

Неготовность общества была вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, страна отнюдь не была идейно однородна. Репрессии заставили оппозицию умолкнуть. Но это гробовое молчание вовсе не означало единомыслия. Многие граждане СССР не считали советский строй благом, не верили в его долговременность и с нетерпением ожидали его краха. Особенно много было таких людей среди старших возрастных групп, заставших в сознательном возрасте порядка «думской монархии».

Во-вторых, советские люди были совершенно дезориентированы в отношении процессов, происходящих в фашистской Германии. После августа 1939 года на территории СССР была прекращена всякая публичная антифашистская пропаганда. Германия, прежде изображавшаяся страной острых социальных противоречий, ведущей агрессивную внешнюю политику, сделалась в изображении советских газет образцом успешного социального и промышленного развития.

В результате в начальный период войны весьма значительная часть как военнослужащих, так и гражданского населения оказалась не готова решительно противостоять врагу. Следствием тайных надежд на освобождение от большевистского режима с помощью немцев были и огромные безвозвратные потери Красной армии пленными и дезертирами, и весьма широкая готовность гражданского населения к сотрудничеству с врагом.

До конца 1941 года, по подсчетам современных историков, в немецкий плен сдалось 3,8 млн бойцов и командиров Красной армии (в том числе 63 генерала), 1,5 млн дезертировали. Именно эти «безвозвратные потери» были в 1941 году самыми многочисленными.

«Санитарные потери» — больными и ранеными, — которые могли вернуться в строй, составляли в этот период 22%. В мотивированной армии по опыту войн XX столетия нормой считаются санитарные потери порядка 75 %. Но к этой норме Красная армия приблизится лишь к концу 1942 года.

Летом 1941 года многие советские граждане ощущали себя перед тяжким выбором: бороться с немцем, защищая не только родину, но и ненавистную власть, или попытаться вместе с немцем скинуть большевистский режим. Крайние позиции твердо и сразу заняли лишь незначительные меньшинства. Дезориентированное большинство колебалось, ставя себе единственную цель — выжить.

Об этом, в частности, свидетельствует неуспех партизанских действий на оккупированных территориях в первый период войны. По свидетельству одного из организаторов диверсий И. Г. Старина, до 1942 года партизанские отряды «полностью формировались из сотрудников НКВД и милиции, без привлечения местных жителей»... На Украине органы госбезопасности оставили в тылу врага и перебросили туда 778 партизанских отрядов и 622 диверсионные группы общей численностью 28 753 человек. Однако по состоянию на 25 августа 1942 года действующими значились только 22 отряда, насчитывающие 3310 человек. Следовательно, за 12 месяцев войны уцелели менее 3% партизанских отрядов и групп из числа заброшенных в тыл врага в 1941 году. Не лучше обстояло дело в Беларуси. К январю 1942 года из 437 групп и отрядов, которые были заброшены в тыл противника, прекратили свое существование 412, или 95%. В первую же военную зиму почти все крупные формирования, насчитывающие несколько сотен человек, были либо уничтожены, либо распались на отдельные группы. К середине 1942 года численность партизан составляла 65 тысяч человек». И только в конце 1942 года партизанское движение стало действительно массовым (к 1944 году в Беларуси советских партизан было около 370 тысяч, на Украине — около 220 тысяч).

Антибольшевистские силы, напротив, оказались довольно значительны и активны. Уже осенью 1941 года, несмотря на препоны, которые чинились политическими властями, продолжавшими проводить «расовые» ограничения, более прагматичное командование Вермахта приступило к формированию «национальных» частей, укомплектованных советскими гражданами. Всего в этот период было создано 90 «восточных» батальонов: 26 «туркестанских», 13 «азербайджанских», 9 «крымско-татарских», 7 «волго-уральских» и т.д. Казакам, которые признавались «арийцами» потомками древних готов, было позволено формировать собственные части в апреле 1942 года.

Разрешение на формирование собственно «русских» боевых соединений последует только в самом конце войны, после учреждения 14 ноября 1944 года в Праге Комитета освобождения народов России во главе с генералом Андреем Власовым. Но это не мешало Вермахту массово использовать добровольцев из бывших советских граждан в качестве так называемых «добровольных помощников» («хиви» — от нем. *Hilfswillige*). К апрелю 1942 года в германской армии числилось 200 тысяч «хиви». С лета 1942 года «русских» добровольцев начали вооружать, преимущественно в тех соединениях Вермахта, которые действовали на Украине, на Дону и Кубани. В окруженной под Сталинградом 6-й армии к ноябрю 1942 года было 51 800 «хиви», а в трех пехотных дивизиях этой армии «русские» составляли до 40% личного состава.

Сотрудничать с немцами в устройстве несоветской жизни без оружия были готовы гораздо более широкие слои советских граждан.

Типичную картину рисовал руководитель подпольного «Комитета содействия Красной Армии» в Могилеве Казимир Мэттэ в докладе Центральному штабу партизанского движения от 19 апреля 1943 года: «Основной тон в настроении населения давали контрреволюционные элементы (имеющие судимость, всякие «бывшие люди» и т.д.) и широкие обывательские слои, которые очень приветливо встретили немцев, спешили занять лучшие места по службе и оказать им всевозможную помощь. В этом числе оказалась и значительная часть интеллигенции, в частности много учителей, врачей, бухгалтеров, инженеров и др.»

О том же свидетельствовал Павел Ильинский, заставший начальный период войны в Полоцке: «Убеждение в том, что колхозы будут ликвидированы немедленно, а военнопленным дадут возможность принять участие в освобождении России, было в первое время всеобщим и абсолютно непоколебимым». И высшее германское командование, и пленные советские генералы настаивали на необходимости создания русского национального правительства. 12 декабря 1941 года плененный под Вязьмой генерал-лейтенант Михаил Лукин заявил: «Народ окажется перед лицом необычной ситуации: есть, значит, русское правительство, которое против Сталина, а Россия все еще жива; борьба направлена только против ненавистной большевистской системы; русские встали на сторону так называемого врага — значит, перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы. Тут возникают новые надежды!»

Такие надежды у многих действительно возникали, особенно ввиду допущения в городах мелкого частного предпринимательства, напоминающего времена НЭПа. Но к концу 1942 года эти надежды рухнули окончательно. Прежде всего, как свидетельствует Казимир Мэттэ, «зверское обращение с русскими военнопленными и массовая их гибель в лагерях вызвали большое озлобление против немцев и среди значительной обывательской части».

Не оправдались и надежды на возвращение свободы крестьянского труда и прав собственности. Закон о новом порядке землепользования был объявлен только 16 февраля 1942 года. Формально колхозы упразднились, но от этого крестьянину легче не становилось. Вся земля поступала в ведение германского сельскохозяйственного управления и должна была обрабатываться крестьянскими общинами под руководством управляющих. Местное самоуправление и права частной собственности немцы восстанавливали только в регионах, присоединенных к СССР непосредственно перед войной.

В результате такой политики германских властей к исходу 1942 года наметился радикальный перелом в настроениях жителей оккупированных советских территорий.

Ширилось советское партизанское движение, начались массовые переходы «полицаев» в партизанские

отряды. Только после сталинградского разгрома германская администрация сделала попытку повернуться лицом к тем, кто готов был сотрудничать с оккупантами. Теперь уже все народы, кроме евреев и цыган, признавались арийцами, и им разрешалось создавать свои национальные формирования в войсках СС, а также собственную вертикаль местного самоуправления, вроде учрежденной 31 декабря 1943 года в Минске «Белорусской рады». Однако время для такой игры было безвозвратно упущено — зверства СС и СД затмили и вытеснили из народной памяти прежние «подвиги» НКВД.

Народ сплотился вокруг советской власти, но состав и характер этого «советского народа», вышедшего победителем из войны, решительно изменился в сравнении с предвоенным. Активные антисоветские силы по большей части были истреблены. Сталинская номенклатура утвердилась в представлении о прочности безупречного советского строя, но подавляющее большинство рассчитывало на мирную трансформацию режима. Новый опыт знакомства с жизнью Европы (там побывало 7 млн военнослужащих и 6 млн «остарбайтеров»), опыт фронтового братства, ведущий, по свидетельству историка Михаила Гелфера, к «стихийной десталинизации», содействовали укреплению требований не просто восстановления довоенной жизни, но ее существенного переустройства. Писатель Алексей Толстой был уверен, что «после мира будет нэп, ничем не похожий на прежний нэп... Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцветут ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет международной валютой. Китайская стена довоенной России рухнет». В немалой степени исполнение надежд, как писал фронтовик Виктор Некрасов, связывалось с тем, что Сталин «понял теперь всю силу народа, понял, что нельзя его больше обманывать».

Народ действительно довольно энергично выразил стремление к новой жизни. Рабочих уже не пугали суровые наказания за нарушение трудовой дисциплины, поскольку указ об амнистии в связи с победой над Германией, опубликованный 7 июля 1945 года, был воспринят как предвестник близкой отмены репрессивных рабочих законов 1940 года.

Для крестьян надежды на перемены к лучшему связывались с изменением колхозной системы. Мысль о том, что «теперь, когда мы победили, и война окончилась, по-видимому, колхозы будут распущены, так как они свою роль сыграли», высказывали и председатели колхозов. Как минимум, они рассчитывали на сокращение бюрократического произвола. Общей была и надежда на прекращение церковных гонений. В годы войны произошло весьма заметное оживление народной религиозности. Многие вновь находили в вере опору в жизни и утешение в горестях. Победа только усилила эти настроения. По сравнению с 1940-м число прихожан, церковных браков и крещений в 1946-м возросло на порядок. Властям пришлось шире раздавать разрешения на создание новых приходов. В 1939 году во всей России оставалось лишь около 100 соборных и приходских храмов русской православной церкви. В 1946 году их было уже 10 544, а в 1949-м — 14 477.

В городской образованной среде росло понимание того, что эти надежды несбыточны без общей демократизации политической системы. Особенно сильны были эти настроения в высшей школе, где даже создавались конспиративные студенческие политические кружки. Но о том же говорили, например, 28 декабря 1946 года (разговор записали техники Министерства госбезопасности) боевые генералы Василий Гордов и Филипп Рыбальченко: «Нам нужно было иметь настоящую демократию». Многие ожидали перемен в избирательной системе советов. И выборы в Верховный Совет СССР, проведенные в феврале 1946 года по довоенной схеме — участвовали только кандидаты от единственного избирательного «блока коммунистов и беспартийных», — вызвали многочисленные нарекания даже совершенно лояльных власти людей.

Надежды на обновление строя не были совсем беспочвенны.

Повод питать такие надежды подал сам Иосиф Сталин, когда в своей первой военной речи не только употребил сугубо церковное обращение «братья и сестры», но и посулил, что «наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». Изменение тона советской пропаганды, возвращение в патриотический пантеон исторических героев дореволюционной России и прекращение церковных гонений в 1943-м только укрепили эти надежды. Тесное взаимодействие СССР с западными союзниками и создание 26 июня 1945 года Организации объединенных наций, воспринимавшейся как механизм преодоления и разрешения потенциальных конфликтов мирным путем, действовали в том же направлении.

Более того, к концу войны на самых верхних ступенях советского руководства сложилась фракция во главе с Андреем Ждановым, готовая к некоторой демократизации строя. К июлю 1946 года специальной комиссией

был подготовлен обширный свод поправок в Конституцию СССР, в частности значительно усиливавших правовые гарантии неприкосновенности личности.

15 июля 1947 года решением Политбюро создается комиссия во главе с Андреем Ждановым для подготовки новой Программы ВКП(б). Новая программа ставила целью «в течение ближайших 20-30 лет построить в СССР коммунистическое общество», но образ этого коммунистического завтра лишился прежней аскезы. Выдвигалась задача «...обеспечить каждому трудящемуся отдельную благоустроенную комнату», а каждой семье «отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам». Предполагалось даже наладить массовое производство автомобилей, «имея в виду предоставить каждому гражданину возможность пользоваться легковым автомобильным транспортом». Кроме того, предполагалось и некоторое расширение хозяйственных свобод для мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей.

Параллельно с разработкой новой программы партии и в связке с ней шла подготовка «Генерального хозяйственного плана СССР на 1946-1965 годы», выполнение которого и должно было создать материально-экономическую базу «для вступления нашего общества в коммунизм». Эту работу лично курировал председатель Госплана СССР, блестящий ученый-экономист Николай Вознесенский, протеже и союзник Жданова. План содержал реалистичные механизмы роста выпуска продукции по всем основным позициям, причем впервые за все время планового хозяйства предполагался и значительный рост группы «Б» — производства продуктов потребления.

Однако в начале 1948 года колебания завершились. Сталин окончательно выбрал жесткую политическую линию, предполагавшую прежние формы и методы управления, рассчитанные на экстремальные условия.

Надежды народа были обмануты, очаги протеста и потенциальные его вожаки подавлены репрессиями, которым в 1946–1953 годах подверглись около 600 тысяч человек.

В этой атмосфере угас без видимого результата порыв к обновлению жизни, с которым советский народ вышел из войны. Но пройдет немного лет и фронтовики наряду с новым поколением молодежи окажутся главной движущей силой реформаторской «оттепели». И только в эпоху брежневского «застоя» в конце 1970-х народная память о войне окажется забитой бурьяном бюрократической пропаганды до такой степени, что ее подлинными носителями вместо фронтовиков будут считаться ветераны спецслужб. На место народной памяти о страшной войне водрузится идеологема великой победы, достигнутой исключительно благодаря мудрому руководству партии и лично великого вождя. Победы, свидетельствующей о прочности и эффективности системы — «превосходстве советского строя».

Современная российская официозная пропаганда лишь незначительно модифицировала советский стереотип под собственные конъюнктурные надобности. В итоге травматический опыт Второй мировой войны в России — в отличие, например, от Германии — не пережит и не отрефлексирован. «Работа горя», которая сделала бы невозможным в дальнейшем то развитие общества, которое привело к войне, не проведена. И вследствие этого у большинства российских граждан, включая разнообразные «элиты», отсутствует иммунитет к тоталитаризму, великодержавию и изоляционизму.

Автор: Никита Соколов © Babr24.com Источник: intersectionproject.eu ИСТОРИЯ, РОССИЯ 👁 45448
28.06.2016, 16:56 📄 1328

URL: <https://babr24.com/?ADE=146350> Bytes: 20636 / 20356 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Никита
Соколов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

